

**Между строк и стен.
Мини-книга**

Михаил Самин

Михаил Самин

Между строк и стен. Мини-книга

«Автор»

2026

Самин М.

Между строк и стен. Мини-книга / М. Самин — «Автор», 2026

Он читает здания как рукописи — по шрамам времени, по запаху пыли, по молчанию стен. Она измеряет мир в сантиметрах и сметах, не доверяя тому, что нельзя посчитать. Их встреча должна была стать разговором на разных языках. Но оказалось, что их сердца звучат в унисон. И где-то между строк и стен рождается то, что не измерить ни временем, ни цифрами...

© Самин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Знакомство	5
Глава 2. Цветные краски	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Михаил Самин

Между строк и стен. Мини-книга

Глава 1. Знакомство

Осеннее солнце пробивалось сквозь высокое окно читального зала и ложилось на дубовый пол длинными косыми отрезками. Внутри этого света медленно кружили пылинки — поднимались, опускались, застыли на месте, словно не могли решить, куда им деваться.

Фёдор Орехов стоял посреди зала и смотрел на этот тихий танец. Ему было тридцать пять, и он работал в Государственном архиве редких рукописей — длинное название, которое он сокращал до «фонда», когда говорил по телефону, и до «этого вашего хранилища», когда жаловался прорабам. Его задача заключалась в том, чтобы следить, как древние рукописи живут в новых стенах. Или, точнее, как новые перегородки стараются не испортить старые бумаги.

Он прижал ладонь к штукатурке. Поверхность была холодной, шершавой, с мелкими трещинками, похожими на сеть высохших рек. Фёдор любил такие поверхности. На них оставались следы времени — не те, о которых пишут в романах, а простые, физические: кирпич хранил следы огня, в котором его обжигали; дерево несло в себе кольца, по которым можно было прочесть годы его роста; раствор сохранил отпечатки пальцев мастера, который его накладывал. Важно было не то, куда смотреть — важно было то, как смотреть.

— Фёдор Аркадьевич, — раздался голос из-за стеллажа. — Вы опять изучаете стены?

Из-за стеллажа выглянула голова Вахтанга — сторожа, который работал в архиве дольше, чем существовало само здание. Вахтанг был лет шестидесяти, с густыми усами и взглядом человека, который видел всё и ничему не удивлялся.

— Я не изучаю, — ответил Фёдор, не отрывая руки от стены. — Я читаю.

— И что там говорится?

— Что кто-то опять открыл окно на лестничной клетке.

Вахтанг хмыкнул и пошёл проверять. Через минуту его голос донёсся из коридора:

— Орехов, ты опять прав! Кто окно открыл? Сквозняк же!

Фёдор усмехнулся. Стены действительно вели своё безмолвное повествование — через трещины и запах сырости. Нужно было только научиться замечать.

Его размышления прервал громкий чих.

Фёдор обернулся. Из-за стеллажа появилась женщина. Она вытирала нос тыльной стороной ладони и снова прикладывала к стене лазерную рулетку. Цифры на дисплее мигнули красным.

— Семь сантиметров, — пробормотала она, занося данные в планшет. — Которые стоят мне трёх недель нервотрепки и переделки всего проекта вентиляции.

Фёдор молча наблюдал за ней. Ей было двадцать девять, и она выглядела именно так, как выглядят люди, которые привыкли, что реальность редко совпадает с чертежами. Тёмные волосы собраны в небрежный пучок, на носу — размазанная пыль, джинсы — вечно пыльные, кроссовки — старые, но дорогие. Архитектор-реставратор Арина Валерьевна. До этого они общались только по телефону, и эти разговоры напоминали попытку объяснить что-то очень сложное человеку, который видит в мире только бетон и арматуру. Фёдор оперировал категориями исторической ценности и пространственной гармонии, тогда как она просто пыталась узнать, можно ли передвинуть стеллаж на полметра влево, чтобы не обрушить перекрытие.

Её телефон завибрировал в кармане джинсов. Она посмотрела на экран и тяжело вздохнула.

— Руслан, — сказала она в трубку, — скажи ему, что пергаменты шестнадцатого века рассыпятся в труху, если на них упадёт дубовая балка весом в полтонны из-за того, что стеллаж стоит криво. И скажи, что я буду на объекте через час. И пусть Егор не смеет больше курить в расписном зале, я его лично заставлю вылизывать там всё зубной щёткой.

Она закончила разговор и только тут заметила Фёдора.

— Простите, — сказала она, убирая рулетку в кобуру на поясе. — Я искала владельца этого кабинета.

— Владелец кабинета сейчас занят, — ответил Фёдор, не отрываясь от стены. — Он читает письмо купчихи девятнадцатого века и пытается понять, почему она жалуется на мужа.

— Так он не против, чтобы я вошла?

Фёдор обернулся. Арина Валерьевна смотрела на него с тем самым прагматичным скепсисом, который он так не любил, но которому, как ни странно, начинал учиться.

— Фёдор Орехов, — представился он, протягивая руку. — Сотрудник фонда редких рукописей. Тот самый, который требует не трогать его стеллажи.

— Арина Валерьевна, — она пожала его ладонь. Её рука была тёплой, с мозолями от карандаша и планшета. — Давайте сразу к делу. Мне нужно понять, какие части библиотеки мы можем трогать, а какие — нет. Потому что пока вы запрещаете двигать стеллажи, у меня горят сроки, а прораб пьёт валерьянку.

Фёдор посмотрел на неё внимательно. Она была не просто архитектором. Она была человеком, который пытался упорядочить хаос с помощью линейки и уровня.

— Арина Валерьевна, вы понимаете, что эта библиотека — не просто помещение? — спросил он. — Это целый мир. Каждая полка здесь стоит на своём месте не случайно.

Она моргнула, словно он сказал что-то совершенно абсурдное.

— Фёдор Аркадьевич, вы не против, если я буду говорить проще? Вот этот стеллаж, — она ткнула пальцем в план, — стоит криво. Буквально. Он отклонён от вертикали на пять градусов. И если мы не выровняем конструкцию, через год он упадёт. Вместе с вашей... э-э... жизненной силой.

Фёдор нахмурился.

— Пять градусов — это не кривизна. Это отпечаток времени. Здание осело, и стеллажи приняли эту осадку как данность. Если мы их выпрямим, мы нарушим...

— Нарушим что? — перебила Арина. — Закон всемирного тяготения?

Он посмотрел на неё так, словно она только что предложила перекрасить «Мону Лизу» в розовый цвет.

— Вы прагматик, — сказал он наконец.

— Я архитектор, — поправила она. — Это разные вещи. Прагматик верит, что всё можно решить. Архитектор знает, что всё уже развалится, если не решать.

Фёдор усмехнулся. У него была странная усмешка — чуть кривая, как будто он сам не до конца верил в то, что собирается сказать.

— Хорошо, Арина Валерьевна. Давайте так. Я покажу вам библиотеку. Сам. Покажу, что можно трогать, а что — нет. А вы посмотрите и скажете мне, где я неправ.

— Это займёт недели три, — сказала Арина.

— Займёт, — согласился он. — Зато вы будете в курсе всех нюансов. И мне не придётся звонить вам каждый день с вопросами про влажность и пергаменты.

Арина открыла было рот, чтобы возразить, но он уже встал и протянул ей руку. Рука была тёплой, с мозолями на пальцах — от перелистывания страниц, предположила она. Странное сочетание: классический пиджак учёного и руки человека, который много работает физически.

— Идёт, — сказала она, пожимая его ладонь. — Но если вы начнёте рассказывать мне про ауру стеллажей, я уйду.

— Договорились, — кивнул Фёдор. — Про ауру я вам рассказывать не буду.

Так началось их странное сотрудничество. Каждое утро в девять Арина приезжала в усадьбу, и Фёдор уже ждал её в библиотеке — с чаем в термосе и папкой с заметками. Он оказался на удивление организованным человеком, если не считать его привычку разговаривать с книгами и периодически забывать, что он обещал позвонить прорабу.

В первый же день совместной работы они поссорились из-за окна.

— Это окно, — сказал Фёдор, указывая на огромное, в полстены, стекло в читальном зале, — нельзя менять. Оно оригинальное, тысяча восемьсот семьдесят второго года.

— Фёдор Аркадьевич, — вздохнула Арина, — в нём трещина. Сквозь неё зимой задувает так, что ваши рукописи просто рассыпятся от перепадов влажности.

— Трещину можно заделать.

— Её нельзя заделать. Это стекло. Его нужно менять.

— Но тогда оно потеряет аутентичность. Это уже будет не то стекло, которое видели купцы девятнадцатого века.

Арина села на подоконник и посмотрела на него. В её глазах читалось то самое терпение, с которым пытаются объяснять теорию струн человеку, который верит только в приметы.

— Слушайте. Вот вы храните рукописи, чтобы они дожили до следующих поколений. Правильно?

— Правильно.

— А стекло, которое пропускает холод и влагу, эти рукописи убивает. Медленно, но верно. Так что вопрос не в аутентичности стекла. Вопрос в том, что важнее — красота окна или жизнь книг.

Фёдор долго молчал. Он смотрел на окно, потом на неё, потом снова на окно. В её логике не было места для сентиментальности, но именно поэтому она была абсолютной.

— У вас точный и проницательный взгляд на вещи, — сказал он наконец. — Это редкое качество.

— Это не качество, — усмехнулась она. — Это работа.

Окно в итоге заменили, но Фёдор настоял, чтобы новое стекло сделали по старинной технологии, с мелкими пузырьками внутри. Оно вышло дороже в три раза, но Арина не стала спорить. В конце концов, у каждого свои слабости. У неё — кофе из кофейни на углу, у него — стекло с пузырьками, сквозь которое солнце преломлялось в сотни маленьких радуг.

На следующий день случился инцидент с прорабом Егором.

Фёдор и Арина спускались в подвал, когда услышали громкий смех и запах табака. Они заглянули за угол и увидели Егора — высокого парня в грязной спецовке, который сидел на ящике и курил, окружённый тремя рабочими.

— Егор, — сказала Арина ровным голосом. — Я же просила не курить в расписном зале.

— Арина Валерьевна, — Егор затушил сигарету о подошву ботинка. — Это не расписной зал. Это подвал.

— Это подвал расписного зала, — поправил Фёдор. — А значит, дым поднимается вверх и оседает на потолке. Вы, можно сказать, портите дымом историческое наследие.

Егор посмотрел на него так, словно он сказал что-то совершенно абсурдное.

— Дым поднимается вверх, — повторил Фёдор. — Это физика.

— Я знаю, что дым поднимается вверх, — пробурчал Егор. — Я не идиот.

— Тогда вы знаете, что он оседает на потолке, — сказала Арина. — И если я увижу ещё одну сигарету в этом здании, вы будете чистить там всё зубной щёткой. Я не шучу.

Егор посмотрел на неё, потом на Фёдора, потом снова на неё.

— Вы серьёзно? — спросил он.

— Абсолютно, — кивнула Арина.

— Ладно, — вздохнул Егор. — Больше не буду.

Он встал и пошёл наверх. Рабочие последовали за ним. Один из них, пожилой мужик с седыми усами, задержался и посмотрел на Фёдора.

— Она не шутит, — сказал он тихо. — Я видел, как она заставила одного парня мыть окна на пятом этаже без страховки. Ну, со страховкой, конечно. Но всё равно.

Фёдор посмотрел на Арину. Она делала вид, что не слышит.

— Вы пугаете людей, — сказал он.

— Я не пугаю, — ответила она. — Я устанавливаю границы. Это разные вещи.

— В чём разница?

— Прагматик устанавливает границы. Мистик пугает. Я прагматик.

Фёдор усмехнулся. Ему нравилось, как она говорит. Чётко, ясно, без лишних слов. Как чертежи, которые она рисовала.

Вечером, когда они уже заканчивали обход, Арина вдруг остановилась и посмотрела на него.

— Фёдор Аркадьевич, — сказала она. — Можно я вас спрошу?

— Можно.

— Почему вы так любите это место? Ну, я понимаю, что это работа. Но вы... вы как-то по-особенному к нему относитесь. Как будто это не просто здание.

Фёдор задумался. Он посмотрел на стены, на полки, на пылинки в солнечном луче.

— Потому что здесь всё настоящее, — сказал он наконец. — Вот этот кирпич — его клали двести лет назад. Эта полка — её делали из дуба, который рос сто лет. Эти книги — их писали люди, которые жили, любили, страдали. Всё это реально. Это не абстракция. Это физическая память. И она... она важна.

Арина посмотрела на него внимательно. В её глазах не было насмешки. Только понимание.

— Я понимаю, — сказала она тихо. — Я тоже так чувствую. Просто... я выражаю это цифрами. А вы — словами.

Фёдор улыбнулся. Впервые за весь день — по-настоящему.

— Тогда мы дополняем друг друга, — сказал он.

— Возможно, — усмехнулась она. — Посмотрим.

Они вышли из библиотеки вместе. За окном уже темнело, и в высоком стекле с пузырьками горели маленькие радуги — от последних лучей солнца. Фёдор смотрел на них и думал о том, что, возможно, Арина Валерьевна права. Возможно, прагматизм и романтика — это не противоположности. Возможно, это просто два способа смотреть на одну и ту же истину. И она была бесконечно разнообразна в своих проявлениях, но неизменна в фундаменте. Как пыль в солнечном луче. Как кирпич в стене. Как два человека, которые только что нашли общий язык.

Глава 2. Цветные краски

Через неделю они уже не ссорились по мелочам. Арина научилась понимать его странные формулировки, а Фёдор — переставать паниковать при каждом упоминании перфоратора. Они вместе обходили здание, и Фёдор рассказывал ей историю усадьбы — не ту, что была в архивах, а ту, что хранилась в самих стенах.

— Вот здесь, — говорил он, проводя рукой по кирпичу в коридоре, — в тысяча восемьсот двенадцатом году хозяин усадьбы спрятал от французского отряда свою библиотеку. Перегородку заложили наспех, кирпичи видны — другие по цвету.

— А как вы это узнали? — спросила Арина, прикладывая лазерную рулетку к шву.

— Мне рассказали.

— Кто?

— Стены, — серьёзно сказал Фёдор.

Арина закатила глаза, но усмехнулась. Она уже привыкла к его манере говорить так, словно он сам присутствовал при всех событиях, которые описывал.

— Ладно, историк хренов, — сказала она. — Давай посмотрим, что у нас с перекрытиями на втором этаже. Там, кажется, балки гниют.

— Не гниют, — возразил он. — Усталость материала.

— Это одно и то же.

— Нет, не одно и то же. Гниение — это процесс. Усталость — это состояние.

Фёдор посмотрел на неё с восхищением. Она была так прекрасна, так уверена в том, что мир можно измерить и классифицировать.

— Арина Валерьевна, вы когда последний раз спали больше шести часов?

Она задумалась, не отрываясь от планшета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.